

DOI: 10.24412/2470-1262-2024-3-49-58

УДК (UDK) 821.19

*Haykanush A. Hovannisyan,
NAS RA Institute of Language after H. Acharyan,
Yerevan, Armenia
Օգաննիսյան Այկանուշի Ա.,
Институт языка имени Р. Ачаряна НАН РА,
Ереван, Армения*

*For citation: Hovhannisyan Haykanush A., (2024).
A New Interpretation of Movses Khorenatsi's Lines.
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 9, Issue 3 (2024), pp. 49-58 (in USA)*

*Manuscript received 18/10/2024
Accepted for publication: 24/11/2024*

The author has read and approved the final manuscript.

CC BY 4.0

A NEW INTERPRETATION OF MOVSES KHORENATSI'S LINES

НОВОЕ ТОЛКОВАНИЕ СТРОК МОВСЕСА ХОРЕНАЦИ

«Տենչայր Սաթենիկ տիկինն տենչանս
Չարտախուր խաւարս և զոից խաւարծի
Ի բարձիցն Արտավանայ...»
Մովսէս Խորենացի.

“Жаждала госпожа Сатеник с вожделением
Диадемы, покрытой пушком, и /զոից -зтиц/ ревеня
Из подушек Артавана...”:
Мовсес Хоренаци.

Abstract:

Aims and Objectives: The study aims to analyze the controversial fragments of "Պատմություն Հայոց" ("History of Armenia") by Movses Khorenatsi and propose a new interpretation of the lines referring to the diadem and plants mentioned in the context of Lady Satennik. The main tasks include studying the etymology and meanings of Old Armenian words, exploring folklore, literary, and biblical sources, and analyzing mistakes made by scribes in manuscript copying.

Methodology and Research Methods: The research is based on a comparative analysis of dictionary entries and folklore texts, the study of Armenian chronicles, and the application of linguistic and historical-cultural approaches. Special attention is given to the comparison of Movses Khorenatsi's works with biblical data, the philosophical writings of Eznik of Kolb, as well as folk songs and traditions.

Results: A new reading of the disputed lines is justified as a symbolic description of Satennik's desires. It is established that references to plants, such as lettuce and rhubarb,

should not be interpreted literally. Instead, these plants are interpreted as metaphors expressing Satennik's longing for Artavan's royal attributes and personal qualities. The article also analyzes possible scribal errors that affected the meaning of the text and suggests corrections.

Theoretical Contribution: This research contributes to the understanding of Armenian historiography and cultural heritage by revealing the nuances of thought and metaphorical language used in ancient texts. It also demonstrates the importance of careful analysis of manuscript sources and the role of interpretation in comprehending Old Armenian literature.

Practical Relevance: The results can be valuable for research projects on Armenian literature and folklore, as well as for educational programs on the history of Armenian culture. The study's materials can facilitate further exploration of Old Armenian texts and aid in developing more accurate translations and interpretations.

Keywords: Movses Khorenatsi, «Պատմութիւն Հայոց» ("History of Armenia"), Satennik, Artavan, Old Armenian literature, folklore, linguistic analysis, Armenian historiography, Eznik of Kolb, ethnographic culture

Аннотация:

Цели и задачи: Цель исследования – проанализировать спорные фрагменты труда «Պատմութիւն Հայոց» («История Армении») Мовсеса Хоренаци и предложить новое толкование строк, касающихся диадемы и растений, упомянутых в контексте образа госпожи Сатеник. Задачи включают изучение этимологии и значений древнеармянских слов, исследование фольклорных, литературных и библейских источников, а также анализ ошибок, допущенных переписчиками рукописей.

Методология и методы исследования: Исследование основано на сравнительном анализе словарных статей и фольклорных текстов, изучении армянских летописей и применении лингвистического и историко-культурного подходов. Особое внимание уделено сопоставлению трудов Мовсеса Хоренаци с данными из Библии, философских трактатов Езника Кохбаци, а также народных песен и преданий.

Полученные результаты: Обосновано новое прочтение спорных строк как символического описания желаний Сатеник. Установлено, что упоминание растений, таких как салат и ревен, не следует трактовать буквально. В статье предложена интерпретация этих растений как метафоры для выражения жажды Сатеник к королевским атрибутам Артавана и его личным качествам. Также проанализированы возможные ошибки переписчиков, повлиявшие на смысл текста, и предложена их корректировка.

Теоретический вклад: Исследование вносит вклад в понимание армянской историографии и культурного наследия, раскрывая тонкости мышления и метафорического языка, применяемого в древних текстах. Работа также демонстрирует важность тщательного анализа рукописных источников и роли интерпретации в понимании древнеармянской литературы.

Практическая значимость: Полученные результаты могут быть полезны в исследовательских проектах, посвященных армянской литературе и фольклору, а также в образовательных программах по истории армянской культуры. Материалы исследования могут способствовать дальнейшему изучению древнеармянских текстов и разработке более точных переводов и толкований.

Ключевые слова: Мовсес Хоренаци, «Պատմութիւն Հայոց» («История Армении»), Сатеник, Артаван, древнеармянская литература, фольклор, лингвистический анализ, армянская историография, Езник Кохбаци, этнографическая культура

Введение

Довольно много обсуждений вызвала вышеупомянутая цитата из труда «Պատմութիւն Հայոց» — «История Армении» Мовсеса Хоренаци. Существовали различные противоречивые подходы и толкования вокруг этих строк, в частности, касающиеся нескольких слов.

Цель исследования — выявить и уточнить смысл этих строк и значение слов, встречающихся в них, а также помочь читателям правильно понять написанный текст.

Литературный обзор

Вторая строка спорного фрагмента: «Չարսիսիւնը խաւարսն և գոհից խաւարծի» — «Диадему, покрытую пушком /գոհից — этиц/ ремень», выходя за пределы буквального значения слов, а слово «диадема» тоже рассматривая как растение, толковалась как букет растений, пучок (/գոհից/), который жаждала госпожа Сатеник из подушек Артавана. Разве можно предположить, что подушки человека, почти равного царю, были набиты растениями? Добавляя к этому подтексту предвзятые предположения о чародейских, волшебных свойствах этих растений и обращении Сатеник с ними в дальнейшем, создается впечатление, будто основоположник армянской историографии уже подтвердил их качества и раскрыл дальнейшие намерения Сатеник. Это мнение было подтверждено трактовкой предпоследней группы букв (/գոհից/) второй строки как «букет». Мы не называем это словом, потому что его точное значение в таком написании до сих пор не объяснено даже в словарях. В третьей строке /ի րարծիցն/ объяснялось как «из высот Мясцотна», княжеского поместья Артавана, где было много таких «растений» (но разве в горах, на высотах Сасуна их не было?). Некоторые даже толковали это слово как мягкие части тела — ягоды.

Прежде чем отрицать или подтверждать существующие мнения, посмотрим, как представлены эти растения в армянской литературе, смешанный букет которых желала получить госпожа.

Слова *արսիսիւնը*, *խաւարսն*, *խաւարծի* — «диадема, покрытая пушком, ремень», имеющие место в словарных статьях, имеют свои объяснения в словарях «Նոր րարսիսիւնը Հայկազանի լեզուի» («Новый словарь языка Айказян») и «Արմատական րարսիսիւնը» (Арматакан бараран) Г. Ачаряна.

Խաւարսիսիւնը — «покрытый пушком» — в НСЯА («ՆԲՀԼ») объясняется как *խաւարս* (салат), многолепестковое растение: «խաւարսն, որ կոչի խաւարս»: ¹ («покрытый пушком, что называется салат»).

О его свойствах и употреблении до Хоренаци подробные сведения даёт философ V века Езник Кохбаци, который в своём труде «Եղծումն աղանդոց» («Опровержение сект») раскрыл значение этого слова раньше, чем фольклор о Сатеник был зафиксирован у Мовсеса Хоренаци. Возможно, позже переписчик допустил ошибку. Приведём цитату:

«Եւ զխաւարսն /որ է սառնի/ եթէ ի սոթ ժամու ուտիցէ որ /քանզի զովացուցիչ է/ զտապսի ի փորոյն փարստէ, և եթէ ի հով ժամանակի ուտիցէ որ, վնասէ. և եթէ զգուրն քանտալ անապակ ընպիցէ որ՝ սատակի և եթէ զետրմն աղացեալ՝ ջրով ընպիցէ որ, ի ցանկութենէ արկանէ»: ²

«Если во время жары кто-то ест салат (марол), он охлаждает и устраняет зной в животе. Если же его едят в холодное время, это вредит. А если пить процеженный сок, можно умереть. Пить размолотые семена с водой — приводит к утрате желания».

Так Езник подробно характеризует растение *խաւարսն* — салат, описывая как его целебные, так и вредные свойства.

А растение *խաւարծի* описывает Хачик Даштенц, знающий природу Сасуна:

¹ Tes Nor Bargirq Haykazean Lezui.

² Eznka Kokhbacvo “Excumn agandoc“. 1762t. Kostandnupolis.

«Դա /խավրժիլը. Հ.Հ./ քաղցրաթթու, հյութալի մի բույս է, որ իր բնի մոտ լայն տերևներ է արձակում շուրջը: Երա ցողունը բարձրանում է մարդահասակ՝ գլխին կապելով զինարբուկի ծաղիկներ հիշեցնող մի փունջ»:³

«Это (ревень) — сладкокислое, сочное растение, выпускающее у основания широкие листья. Его стебель вырастает до человеческого роста, венчаясь пучком цветов, напоминающих первоцвет».

Так описывает растение человек, проведший детство в горах Сасуна и часто видевший и пробовавший хаврцил — ревень.

Важно учитывать размеры и особенности растения, включая его высокорослый, гибкий стебель. В словарях также отмечаются его махровые качества.

Результаты и обсуждения

Если хаврцил – ревень, столь большое растение, а опушённый салат тоже объёмный, как могла Сатеник жаждать их сплетённый букет, как объясняется непонятное буквосочетание զւիից? Ведь в этом случае собранные растения составили бы не просто букет, а целый сноп. И если к этому прибавить ещё и слово արւախւոյր – диадему, покрытую пушком, которое некоторые авторы также толковали как растение, то тогда сноп стал бы огромным. Из-за своей объёмности и тяжести его было бы невозможно вынести незаметно от чужих глаз, включая короля.

Это значит, что подушки Артавана должны были быть наполнены множеством таких снопов. Если убрать один сноп, а остальные остались бы незаметными, то это поднимает вопросы. Другое дело, если жажда касалась не букета, а сухих обломков этих растений. Но известно, что զւիից – это не сухая смесь этих растений.

Миабан (Габриэль Айвазовский), редактируя слово զւիից как զ/ւ/տիից, интерпретировал արւախւոյր – диадему, покрытую пушком, как бедренный платок. Этот исправленный вариант упоминается в словаре Г.Ачаряна.⁴

Но позвольте, зачем госпоже Сатеник бедренный платок?

Почему определение զ/ւ/տիից удалялось от слова արւախւոյր – митра? Если принять, что զւիից означает «бёдра», то как связать это со словами խավրժի (ревень) или խավրիւ (покрытый пушком)? Получается бессмыслица: «Չարւախւոյր խավրիւ կ զ/ւ/տիից խավրժի» («Митры, покрытой пушком, и бёдер ревеней»)? К тому же куда девать союз «и» (և)? В этом случае бёдра были бы упомянуты первыми, но о платке нет ни слова.

Кроме того, разве в эпоху Арташесидов второе лицо после царя носило бедренный платок, как представитель дикого племени? Это означает, что զւիից нельзя толковать как букет растений или бедренный платок, а уж тем более արւախւոյր – диадему, как растение.

В словарях объяснение слова արւախւոյր – диадема, представлено как складчатое покрывало, окружающее концы короны (а не бёдра). В Библии и у других авторов это слово широко употребляется, и духовные служители до сих пор носят митру. Пример из Агатангелоса:

«Չթագաւորն շքեղացուցանէ ի նմանութիւն արւախւոյրն պսակի ի վերջաւորն փողփողելոյ»:⁵

«Король придал великолепие, наподобие диадемы, колыхающейся на конце венца».

Таковую диадему, украшенную драгоценными камнями, римский император Нерон подарил армянскому царю Трдату I в I веке, как свидетельствует историк Светоний.

Принимая во внимание ошибки и разночтения, встречающиеся у авторов V, X, XII–XIII веков и издателей, считающих эти места непознаваемыми, можно

³ Khachik Dashtenc, “Khodedan“, ege 31, 1960t. Yerevan.

⁴ Hr. Acharyan, “Armatakan bararan“, 1973t. Yerevan.

⁵ Agatangelea “Patmuthivn Hayoc“, 1983t, Yerevan.

предположить, что при переписке были допущены неточности. Это позволяет нам редактировать группу букв *qnhg* как *q/n/unhg* или просто *nunhg* («о ногах»), что, как мы полагаем, придаст тексту ясность. При переводе также следует отойти от традиционного перевода: вместо «Տենջալով, տենջոււ էր Սաթենիկ տիկինը» («Жаждала госпожа Сатеник») переводить как «Տենջոււ էր Սաթենիկ տիկինը տենջաւորներ» («Госпожа Сатеник жаждала возжеления»), поскольку слово *տենջաւու* («возжеления») стоит в винительном падеже и не превращается в деепричастие.

Но что это за возжеления?

Если *խիւրիւր* («что называется салат») – это опушённое, многолепестковое растение, а салат сопоставим с *արիւրիւր* – диадемой, венчающей края короны, покрывающей голову и шею, как видно на древних монетах с изображениями царей, то Сатеник жаждала не растений, а головного убора – короны Артавана. Эта корона, как многолистный салат, представляла диадему, которая могла насытить её тщеславие наравне с высокопоставленным лицом. Она стремилась не к любви с каким-то второстепенным человеком, а ко второму лицу государства.

Может быть, госпожу привлекала форма ношения этого головного убора? Он был красив и мужественен в этом одеянии? Это – одна из жажд.

Если же *խիւրծիւ* – растение с приятным вкусом, гибким и сочным стеблем, достигающим человеческого роста, сравнить с ногами Артавана (читая *qnhg* как *qunhg* или *nunhg* – «о ногах»), то его ноги могли быть мохнатыми, гибкими и прямыми, что покорило мысли Сатеник. Значит, её стремление касалось не только его личности, но и высокого княжеского положения.

В противном случае, если речь шла просто о растениях, зачем так страдать? Она могла бы поручить своим подданным принести не один букет, а целый стог. Разве она сама себе враг, чтобы жаждать лекарственных средства, которые, как объясняет Езник, не разжигали бы страсть, а наоборот, угасили желание («ի ցանկութենէ տրկանէ») и могли даже привести к смерти?

Когда любишь, каждая деталь в отношениях с любимой становится любимой и желанной. Народная поговорка Муша гласит: «Բախիւր սիրուն, բախիւր սաղ կաշկին» — «От любви к саду целуют и стену сада». Один из наших профессоров рассказывал такой случай: когда предмет любви у кого-то хромал, и на этот недостаток указали влюблённому, тот с восхищением ответил: «Посмотрите, как она хромает!»

Если царицу Сатеник очаровала голова Артавана с короной, окаймлённой махровой диадемой, то деревенская девушка из фольклорной песни готова пожертвовать нелюбимым богатым купцом ради дырявой тубетейки, волос на голове, длинной шеи или даже нитки чароха своего Кико. В этом и заключается необъяснимая суть любви.

Быстрые и гибкие ноги воспевались и в греческой, и в армянской эпической традиции, а также в фольклоре. Отсюда и слова вроде «быстроногий» и «легконогий». Махровая кожа мужчины также ценилась. Однако, как пишет Фавстос Бузанд, это не помогло королю Аршаку завоевать любовь царицы Парандзем: «թէև նա թաշ էր և թոխ էր գունով»⁶ — «хотя он был махровый и смуглый». (У неё на это были личные причины.)

Возможно, при переписке текста выпала буква «n» из словоформы «*nunhg*», или искажённое «n» ошибочно прочли как «q», превратив слово в «*qunhg*». Интерпретировать «*qunhg*» как «возраст» (*unh*) не имеет смысла. В таком виде слово оставалось «непознаваемым».

Подобные разночтения и ошибки встречаются в произведениях летописца X века Ухтанеса Епископа. В издании 1871 года при составлении конкордансов его трудов мы

⁶ Faustosi Bivzandacvo “Patmuthivn Hayoc”. 1887t. Yerevan.

вносили исправления и комментарии, опубликованные в предисловии первого тома или в примечаниях. Подобные явления отмечал и Г. Ачарян.

Возможно, что и ошибка с «q/n/hg» произошла так же: она распространилась от одного переписчика к другим рукописям. Переписчик мог быть просто грамотным, но не разбираться в грамматике и воспроизвести повреждённый текст так, как понял. Подобные случаи в библиографии не редкость. При работе с конкордансами, под руководством академика Арарата Гарибяна, мы не раз возвращались к одному слову, изучая его с разных точек зрения, чтобы выявить возможные ошибки.

Ошибки переписчиков могут бросать исследователей в сомнения, как это случалось с текстами Лазаря Парпеци, Мхитара Айриванеци и Ухтанеса. Но по нашему исследованию можно считать, что одной из жажд Сатеник были прямые и гибкие, как ремень, ноги Артавана.

Здесь дополнение употреблено в отложительном падеже, с предлогом «q», что характерно для древнеармянского языка (грабара), известного как исторический или реляционный отложительный падеж. Подобное употребление сохранилось и в современном армянском литературном языке. Например, у Ованеса Туманяна:

«Ինչպե՞ս եք ապրում, դու ձեզնից պատմիր, Ձեր օր ու կյանքից, ձեր ցավ ու դարդից»: — «Как вы живёте, о вас расскажи, О вашей жизни, о боли, о печали?»

Или:

“Խոսում են Լոռու հին հին քաջերից”:⁷ — «Говорят о древних храбрых воинах Лори».

То есть, Сатеник жаждала ног Артавана. Следовательно, она желала корону Артавана с мягкими складками диадемы, покрытой пушком, и его гибкие, махровые, как отростки ревеня, ноги, если переводить буквально. Две силы, княжеская и телесная, в этом случае мужская. Слово խաշարս («покрытый пушком») для слова արախարս («диадема») следует считать существительным-определителем, а խաշարձի — для ног. Тем более, как заметил Г.Ачарян, эти четыре слова связываются одним союзом և, и два слова употребляются с предлогом q, одно в винительном, другое в отложительном падежах. Если учесть, что в грабаре определители имели постпозитивное употребление, наше наблюдение становится ещё более убедительным. Г.Ачарян, анализируя объяснения различных авторов, пришёл к выводу, что два из упомянутых слов должны играть роль существительных-определителей, а не прилагательных.

В народной фольклорной песне говорится:

«Կարմիր խնձոր փնձրգներ, կանանչ վարդը տղեզներ...» — («Красное яблоко — девушки, зелёный прут — парни...»).

Это сравнение можно уподобить сочетанию q/n/hg խաշարձի, подразумевая молодость, красоту и гибкость.

И поскольку этот отрывок, как свидетельствует Хоренаци, был взят из народного фольклора, который он слышал лично, вполне естественно, что в нём нашла отражение простота и незатейливость народного мышления. Есть также народное благословение: «Ողներևս մեռնիս» («Да умру за твои ноги!»).

Не нужно далеко ходить — вновь обратимся к Хоренаци. В главе ԾԱ второй книги «Պատմություն Հայոց» («История Армении»), опять по поводу того же Аргамы, «Որ յառաջվելին Արգամանն անուանի»⁸ («Который в мифе называется Аргаваном»), говорится: «և զհարձ նորին /Արգամի. Հ.Հ./ ու կարի ջրնալ էր գեղով և մնացալ /ծն.՝ մանրաբայ/ գնացիք ոտից, զոր կոչելն Մանդու»:⁹ («И наложница его /Аргамы/, которая была очень красива и остальное /сноска; мелким шагом/ ходила ножками, звали её Манду»).

⁷ Hovhannes Thumanyan, Erkeri jogovacu, 1958t. Yerevan.

⁸ Movsisi khorenacvo Patmuthivn Hayoc, 1913t. Tiflis

⁹ Nuyn teg. Gl. ԾԱ. ege` 180.

Как видно, в этом отрывке тоже восхваляются красивые, мелкими шагами ходящие ноги, только теперь уже женские. Этот факт, кажется, подтверждает наше мнение.

Стоит обратить внимание на идентичность формы склонения слов *ninhg* и *qinhg*. В этом отрывке также есть ошибка: *միմիշրայ* («мелким шагом») было прочитано как *մնացիայ* («остальной»).

В другом месте встречаем: «... Տեսայ Տրդատայ /Բագրատունի. Հ. Հ./ զկին մի, զի յոյժ գեղեցիկ էր և երգեր ձեռամբ, որում անուն էր Նագենիկ»¹⁰ («Трдат /Багратуни/ увидел женщину, которая была очень красива и играла руками, имя которой было Назеник»).

Или: «... ի խնջոյս ուրախութեան Խոսրով Գարդմանացի ի զինոջ գեղեսեայ ամացի Շափոյ, զորէն սեղեխի տոփացելոյ զհետ ջնարահար քաջամասն կնոջ կրթեր»:¹¹ («Во время веселья на пиру Хосров Гардманаца, опьяневший от вина, перед Шапухом в подобие вождя любовника преследовал женщину, играющую на лире, с красивейшими пальцами»).

В трёх эпизодах воспеваются женские руки, ноги и даже пальчики, причём у наложницы. Так почему бы не воспевать мужские ноги, особенно если это король?

Ованнес Драсшанакертци описывает Григора Дерена Арцруни, своего любимого исторического персонажа, так: «Եվ էր նա /Դերէնը, Հ. Հ./ այր սեգ և զգաստ և ուր ի զնացու ուրից»:¹² («И был он /Дерен/ гордый, бдительный, стройный мужчина, особенно в своей походке»).

И почему отказываться от такого подхода, если немного осведомлены о том, как в дохристианскую языческую эпоху обожествлялись человек и природа, как гармонично они сосуществовали. Неслучайно даже из-под чёрной рясы священников временами мерцали лучи этого культа в христианскую эпоху, приписывая женщине черты Богоматери. «Աչքերն ծով ծիծաղախիւնդ ...», «Յայտէն նոնէնի ...»¹³ — «Глаза как море смеющееся», «из щеки гранатник...», — шептали губы мистика Григора Нарекаци. И это в ту эпоху, когда в Европе бушевала инквизиция. А у нас христианский культ и ненависть к собственной личности доходили до абсурда, проявляясь в стремлении жить в глухих пустынях или в образе столпников (например, Семён Столпник).

Разве не тот же языческий культ восхваляет телесные достоинства Хандутахатуна в армянском эпосе? И это, вероятно, не считалось стыдным, как сейчас люди стесняются в обществе громко читать Кучака, который всего лишь говорит: «Օնցիկն եմ ժամսունն արել, ծծերունն եմ խոստովանել»:¹⁴ — «Её грудь была для меня домом молитвы, я исповедовался её груди».

Сколько же богатого материала дают наши этнографические песни! Достаточно процитировать один маленький отрывок из этой неисчерпаемой сокровищницы:

«Սըղեր իս հէկին, հաղորդ կը քաղիս,
Շամամ ծծերով շակար կը մաղիս,
Ամաստ փիջախով իմ սիրդ կը դաղիս...»

— «Вошла в сад, чтобы собрать виноград,
Грудями шамам сахар просеиваешь,
Алмазным ножом моё сердце обжигает...»

Или:

«Ծըձերտս ուռերը, հե՛յ, ես կըսենք նուր էր,
Ձեռ թափի, որ քաղենք, դու քսիր, ժուր ք,

¹⁰ Nuyt tex. Gl. ԿԴ. Ege` 195.

¹¹ Nuyt tex. Gl. ԾԽ. Ege` 331.

¹² Yovhannu Kathokhikosi Draskhanakertecvo “Patmuthivn Hayoc“. ege` 136, 1912t. Thiflis.

¹³ Grigor Narekaci, “Taxq“.

¹⁴ Nahapet Quchak, “Harivr u mek hayren“. 1988t. Yerevan.

Թէ ժուռ, թէ հասուն, ընձի խարու ը,
Քու լեզվի՞ն սեննիմ, անուշ բըրբու ը»:

— «Груди твои опухли, уух, я думал гранаты,
Руку протянул, чтобы сорвать, ты сказала: неспелый,
Спелый, неспелый — мне удобно,
Люблю твою речь, как сладкий соловей».

(Эти строки услышаны от доктора исторических наук Айказа Погосяна, ходячей энциклопедии армянской этнической культуры.)

Думаем, что толкование эпитетов здесь излишне. Конечно, при переводе этнического творчества трудно передать все тонкие нюансы, но постарались, как могли.

Кто в наше время рискнёт громко выражать такие мысли в обществе без страха быть осуждённым? А ведь в те далёкие времена эти слова были сказаны, и таким образом возникла чудесная народная культура.

И наконец, Хоренаци, который иногда, отрываясь от основного повествования, даёт пояснения по поводу какого-либо явления или слова (как, например, в случае с «շիկափուկ ցարին» — «русый аркан» и с Аргамом — Аргаваном), разве мог быть настолько небрежным к себе, чтобы допустить неопределённость и ввести читателя в заблуждение? Ведь книга писалась не только для грядущих поколений, но и, в первую очередь, для своих современников, а конкретно — для Саака Багратуни, и должна была быть понятной, а не головоломкой.

Он мог бы дать маленькое пояснение о свойствах этих растений и о дальнейшем обращении Сатеник с ними, как это сделал с Шамирам, которая: «Ակն ունէր դրոշմաբանութիւն փիլոսոփայական իրոյ կենդանացուցանել զԱրայ»: ¹⁵ — «Хотела с помощью колдовства оживить Ара».

Или часто обращаясь к своему меценату, даёт пояснения и выражает своё мнение.

В качестве заключительного аргумента приведём отрывок из Библии, где не мы, а дочь Иерусалима подтверждает наше мнение: «Արունք նորա փունք մարմարեայր հաստատեայր ի վերայ ոսկի խարբիսաց, տեսիլ նորա որպէս զընտիր եղևնափայտից Ըրայանոս»: ¹⁶ — «Его голени, как мраморные колонны, установленные на золотые основания, вид его, как отборная еловая древесина Ливана», — воспевают девушка о своём возлюбленном.

Если в случае египтянки любимого человека можно сравнивать с еловой древесиной — высокой, прямой, с ногами как мраморные колонны, установленные на золотые основания ступней, то почему в случае Сатеник ноги нельзя сравнивать с ревенем?

(Кстати, нужно отметить, что «Песнь песней» составлена точно в той же форме, что и древняя традиционная армянская свадьба, в виде песни-оды, где невеста и девушки задают вопросы зятю и отвечают на них.)

Выявив жажды Сатеник, мы подходим к весьма спорному слову *ի բարձրցի* — «из подушек», для которого в тексте дана сноска в форме *և բարձրցի* — без предлога *ի*. Предлог *ի*, обозначающий отложительный падеж, был заменён союзом *և*.

Есть мнения, что это слово можно понимать как «подушка», «высота» или «горы», а также как часть тела — ягодицы, сиденье, честь или степень.

Сразу следует отклонить трактовку формы *ի բարձրցի* как «высота» или «нагорье», потому что, как уже отмечалось, для такой высокопоставленной женщины, как Сатеник, не составило бы труда направить нескольких своих многочисленных слуг в горные владения Артавана — Масяцотн, чтобы собрать желаемые ею растения. Странно предполагать, что её желание осталось бы неудовлетворённым.

¹⁵ Movsisi khorenacvo Patmuthivn Hayoc, 1913t. Tiflis

¹⁶ Astuacashunch matean Hine ev Nor ktataranac. Erg ergoc, gl. E, tox` 15. 1929t. Vienna.

Отвергается и трактовка *րարձ* как «ягодицы». Почему Сатеник должна была жаждавать мягкие части тела Артавана?

Прежде чем перейти к толкованию отрывка, стоит обратить внимание на то, из чего в эпоху Арташесидов делали королевские и княжеские подушки. Разве они могли быть набиты растениями с такими крупными стеблями, что на них невозможно было бы даже сидеть, не говоря уже о том, чтобы положить на них голову?

Следовательно, речь идёт не о растениях, вынутых из подушек, а о чём-то более тонком и изящном, что подразумевает словоформа *ի րարձիցի*.

Мы также склоняемся к трактовке *րարձ* как «подушка», но с определённым оттенком смысла, и отвергаем трактовку *րարձ* как «степень». Если одно из первичных желаний Сатеник — овладеть Артаваном не только как красивым мужчиной, но и как возвышенным правителем, то *րարձ* как «степень» вряд ли имело бы смысл: ведь она уже обладала высшей степенью власти, будучи Первой леди и царицей.

Таким образом, остаётся предполагать, что Сатеник жаждала не славы или величия, которые она уже имела, и не растений из подушек Артавана, а просто возможности класть голову на одну подушку со своим возлюбленным.

Вспомним строки из фольклорной песни:

«Խորրարձն էղնիմ էն ալուր,

Գլխիս անի քո րարձին»:

— «Мечтаю о дне, когда

Голову положу на твою подушку».

Или:

«Էս անտեր րարձի վրա էլ

Անից յարի քուն չի գա»:

— «На этой чёртовой подушке

Без любимого не спится».

Или народное благословение: «Մի րարձի ծերանիսր» — «Старейте на одной подушке».

Интересно, что форма *ի րարձիցի*, упомянутая в сноске оригинала, подтверждает наше мнение. Здесь дополнение стоит в дательном падеже: *րարձերին* — «подушкам».

Возможно, Сатеник, как и героиня из упомянутых строк, мечтала с горестью в сердце класть голову на одну подушку с Артаваном.

Отклонив трактовку *րարձիցի* как «высоты» и подтвердив, что это «подушка», мы делаем вывод, исходя не только из смысла, но и из грамматической формы. Слово *րարձ* — «высокий» склоняется по смешанному склонению ՈՒ-Ա: *րարձ* — *րարձու* — *րարձանց*, а *րարձ* — «подушка» склоняется по склонению И: *րարձ* — *րարձի* — *րարձից*. Если трактовать слово как «высоты» во множественном числе — *րարձույր*, то в отложительном падеже оно имело бы форму *ի րարձանց*, а не *ի րարձից*.

Таким образом, окончательный дословный перевод обсуждаемого отрывка будет следующим:

“Жаждала госпожа Сатеник с вожделием
Диадемы, покрытой пушком, и ног, как ревень,
И подушки Артавана.”

Мы постарались предложить новое толкование строк Мовсеса Хоренаци, опираясь на данные средневековой библиографии, Библии, литературы новой эпохи, а также на сокровища армянской этнической культуры и народного творчества. Мы использовали ценные словари для анализа интересующих вопросов.

Надеемся, что тщательное исследование поможет прояснить ранее неясные мысли и будет полезным для дальнейших исследований на эту тему.

References:

1. Agatangelea “Patmuthivn Hayoc“, 1983t, Yerevan.
2. Ararat Kharibyn, Rus - hayeren bararan. 1968t. Yerevan
3. Astuacashunch matean Hine ev Nor ktataranac. 1929t. Vienna.
4. Eznka Kokhbacvo “Excumn agandoc“. 1762t. Kostandnupolis.
5. Faustosi Bivzandacvo “Patmuthivn Hayoc“. 1887t. Yerevan.
6. Grigor Narekaci, “Taxq“.
7. Hay – ruseren bararan. 1984t. Yerevan.
8. Hovhannes Thumanyan, Erkeri jogovac, 1958t. Yerevan.
9. Hovhannu Kathokhikosi Draskhanakertecvo “Patmuthivn Hayoc“. 1912t. Thiflis.
10. Hr. Acharyan, “Armatakan bararan“, 1973t. Yerevan.
11. Khachik Dashtenc, “Khodedan“, 1960t. Yerevan.
12. Movsisi Khorenacvo “Patmutivn Hayoc“, 1913t. Tpkhis.
13. Nahapet Quchak, “Harivr u mek hayren“. 1988t. Yerevan.
14. Nor Bargirq Haykazean Lezui. 1979t. Yerevan.
15. Sasunci Davith, 1939t. Yerevan.
16. Svetonios, “Tasnerku kesarneri kyanqe“. 1986t. Erevan.
17. Ukhtanesi Episkoposi “Patmutivn Hayoc“. 1871t. Vagarshapat.

Information about the Author:

Haykanush A. Hovhannisyán (Yerevan, Armenia) - a linguist specializing in the Old Armenian language, a researcher at the NAS RA Institute of Language after H. Acharyan in Yerevan, Armenia.

ORCID: 0000-0003-2531-2182

e-mail: hajkanush@list.ru

Author’s contribution: The work is solely that of the author.